

О.В. Зуева, аспирант кафедры русского языка БГУ

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПАМЯТНИКОВ РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА (на материале частного и официального типов письма XV–XVI вв.)

Стереотипность структурно-композиционной организации, единство интенциональной и стилистико-языковой характеристик текстов традиционно рассматриваются как признаки, позволяющие отнести изучаемые источники к одному жанру. Историко-стилистический анализ древне- и старорусских эпистолярных текстов выявил особую значимость структурного параметра. Жанровое единство совокупности частных, частно-официальных и официальных посланий бытовой, деловой, учительной и прочей тематики, обслуживавших разные сферы и регистры общения и потому стилистически гетерогенных, конституируется в первую очередь возможностью выделения в них относительно самостоятельных содержательных фрагментов, различные последовательности и комбинации которых собственно организуют текст письма. Данные фрагменты мы называем смысловыми блоками и считаем главными элементами содержательной структуры эпистолярных памятников.

В результате анализа более чем 770 писем XI–XVII вв. (сплошная выборка) было выделено 11 смысловых блоков, которые раскрывают следующие темы. 1. Презентация адресата и/или адресанта – приветствие. 2. Констатация получения письма адресата. 3. Комментарии по поводу получения письма адресата: а) благодарность за письмо; б) реакция на получение письма и/или впечатление от него. 4. Выражение потребности в дальнейшем письменном общении: а) призыв к адресату писать адресанту; б) мотивация призыва к адресату писать адресанту; в) обязательство адресанта писать адресату. 5. Сообщение адресанта о себе. 6. Комментарии по поводу собственного письма: а) мотивация адресантом своего письма; б) извинение за свое письмо; в) оценка решения обратиться к адресату; г) объяснение задержки своего письма; д) характеристика своего письма и своей манеры писать; е) призыв к адресату прочесть посланное ему письмо. 7. Изложение казуирующих письмо интенций, как оригинальных, так и регламентированных (информирование, просьба, поучение, апитация, поддержание контакта и др.). 8. Выражение адресантом потребности поддерживать связь с адресатом: а) призыв к адресату помнить адресанта и/или молиться за него; б) обязательство адресанта

помнить адресата и/или молиться за него; в) выражение стремления увидеться с адресатом. 9. Прощание. 10. Подпись. 11. Дата и/или место составления письма.

Указанные блоки обнаруживают значительную общность с содержательными фрагментами новогреческих писем, выделенными В.А. Сметаниным [1, с. 195–206], и иллюстрируют соотношение древнерусской и византийской эпистолярных традиций. Последовательность приведения смысловых блоков в списке не является точной проекцией их расположения в конкретном письме, так как не все блоки имеют фиксированную текстовую позицию и значимость отдельных блоков для разных типов посланий различна. Разделение текста на фрагменты содержания отличается от разделения на введение, основную часть (семантему) и заключение. Тенденция композиционного распределения блоков, тем не менее, имеет место (что особенно очевидно для приветствия, изложения казуирующих письмо интенций и прощания), однако закономерности расположения некоторых из них в зависимости от типа письма и диахронического промежутка сменяются. Например, этикетный призыв писать в частных бытовых письмах XI–XIV вв. чаще относится к концовке текста при большей распространенности его введения в зачины писем конца XVII в.

В зависимости от степени устойчивости языкового выражения среди конструкций, передающих содержание смысловых блоков, выделяются клише, фразы со стержневыми словами и фразы без стержневых слов, или свободные сочетания [1, с. 15]; первые и вторые суть текстовые (жанровые) коммуникативные и номинативные формулы, допускающие контекстуальные (не)этикетные лексические распространители.

Рассмотрим на примере двух текстов: официального делового (или служебного) послания архиепископа Геннадия Новгородского князю Борису Васильевичу, 1485 г., посвященного вопросу получения святительского сана и церковного землевладения (I) [2, стб. 753–760], и частного бытового послания старицы Марины Турковой сыну, сер. XVI в. (II) [3, с. 139] – образцы содержательной структуры старорусских писем в плане способов ее организации и наполнения. Для сопоставления привлекаются также результаты анализа всего выбранного эпистолярного корпуса XI–XVII вв.

1	(I) Господину князю Борису Васильевичу пресвященному архиепископу Геннадию богоспасаемых градовъ Великаго Новгорода и Гькова благословляю и челомъ бью.	(II) В пречестную обитель пречистыя богородицы честнаго и славнаго яя усlenia от старицы Марины сыну моему Еуфимью поклонь.
2	Что еси, господине, писалъ о томъ отъ апостольскихъ правиль...	—
4а	—	Пожалуй, Еуфимьюшко, отпиши ко мне о своемъ здоровье, какъ тебя пречистая богородица милует.
5	—	А язъ здѣсь грехомъ своимъ добре болна
7	... рекши: «язъ принять имъ нѣмъ санъ святительскій...» ... и азъ брату еси твоему, а своему государю, бить челомъ великому князю, что недостойнъ на такую службу <...> ... подобаше убо вамъ поспешение о нихъ имъти	Нынѣ на трстной [Стрстной] неделѣ во вторникъ причастишъ.
6д	Да не мниши, яко отъ себѣ сие глаголю: изъ божественныхъ правиль сѣя тебѣ написашъ	—
7	<...> А естъ де землицу святѣи Софиѣ тутю на Волцѣ о томъ тебѣ, господину своему, буду опять бити челомъ изнова.	И какъ послышиши, что богъ на [мою] душу сошлетъ, преставлюсь, и ты вели меня записатьи в сонаникъ вечной.
8а	—	и ты самъ не забудь мене доколе богъ тебя. ... (фрагмент утрачен – О. 3.) поминай душу мою
9	Да будетъ милость великаго Бога Спаса нашего Иисуса Христа и святѣи Софиѣ Премудрости Божьей, и наше благословение и молитва на тебѣ, на государѣ великомъ, и на твоѣй благороднѣи княгинѣ, и на твоихъ божовичныхъ чадѣхъ, и на всемъ твоѣмъ воеводѣ, и в вѣки, аминь.	и тебя божие милосердіе и мое благословение не. ... (фрагмент утрачен – О. 3.) и до века.

Схема приветствия Y-у (адресату) X (адресант) благословляю и челомъ бью – клише, распространенное в официальных посланиях церковных иерархов князьям XV–XVII вв. Конструкция образована путем интеграции двух перформативных формул (благословляю, челомъ бью), употребляющихся в старорусских письмах как по отдельности, так и в сочетаниях с другими формулами, при этом первая всегда маркирует духовную принадлежность адресанта (ср. лексическую конверсию клише благословения прошу и челомъ бью, используемого при обращении к адресату – церковному лицу).

Семантика клише от X Y-у поклонъ, известного частному письму с XII в. (поклоно от колена ко самоуше, берестяная грамота из Старой Руссы № 31 [4, с. 449]), синонимична семантике клише-челобития: вербальное выражение этикетного жеста (речения-кинемы) являются древнейшим способом экспликации приветствия в частной светской и духовной переписке).

Номинативная адресанта и адресата является стилистической чертой, дифференцирующей типы писем: в официальном послании в приветствии последовательность этикетных при-

ложений указывает на титул (сан) получателя и отправителя, в частном письме достаточно использования одного приложения, называющего родственные или иные социальные отношения. Указание места пребывания адресата (в пречестную обитель) типично для частных и официальных писем, обращенных к духовным лицам. Препопозиция адресанта относительно адресата (I) в старорусских письмах маркирует более высокий статус отправителя. Номинации коммуникантов, используемые в других смысловых блоках, отражают тип письма и регистр общения, ср.: тебѣ, господину своему; на тебѣ, на государѣ великомъ; азъ... недостойнъ есмь (I) – Еуфимьюшко, ты самъ; язъ (II). Устойчивый характер имеет лексическое и грамматическое варьирование местоимений, указывающих на адресанта: азъ – но наше благословение (I) – черта, роднящая официальные послания с актами. Колебания в выборе местоимений такие характерны для частных духовных посланий. В частной бытовой и деловой переписке аналогичное, на первый взгляд, явление отражено в блоках как призыв поддерживать контакт и сообщение о себе (пиши ко мне – пиши къ намъ, про меня похощь ведать –

про нас изволишь своею милостию напamятовать), однако местоимения множественного числа в подобных контекстах указывают не столько на самого адресанта, сколько на принадлежность его к некоей социальной группе (мы – мы все).

Оборот *что еси писать о...* – клише, имплицитно выражающее констатацию получения письма адресантом. Данный блок известен всем типам письма, занимает фиксированную позицию перехода от введения к семанте, однако более часто встречается в структуре официальных служебных посланий (отмечен в 33,3 % текстов XII–XVII вв. – ср. 5,2 % для частных деловых XVI–XVII вв., 6,7 % для бытовых XIV–XVII вв., но 28,6 % для частных духовных писем XI–XVII вв.). Отметим, что при подсчете данных для частных бытовых и деловых писем не привлекались берестяные грамоты, отражающие минимальный набор смысловых блоков. Мы выделяем три семантические группы высказываний, передающих содержание блока: прямая констатация получения – клише и фразы со стержневыми словами *пришел лист, прочтох писанье, донесли грамоты* и др.; косвенная констатация – клише *пришл(а) грамоту*; имплицитная констатация – клише *слышать (есмы) о... / что...* (отражение традиции прочтения письма адресату вслух), *(еси) писал(а) о... / чтобы...*. Последняя конструкция, представленная в письме арх. Геннадия и распространенная также в старорусских документах церковных и светских властей, возникла в результате утраты первого компонента в последовательности типа *что пришло свою грамоту и пишешь*, т.е. в результате сокращения формулы косвенной констатации получения письма.

В письме Турковой за приветствием следует призыв писать адресату – элемент, распространенный в структуре бытового письма (42,7 % – ср. 13,1 % для официального служебного), выражаемый устойчивыми вербальными средствами уже в берестяных грамотах рубежа XI–XII вв.: *а присто [пришлите] ми грамотицу сторови ли еств*, № 424 [4, с. 272], *вспн(и)ши ми грамотицу о своемъ стър(ь)вѣе и о дѣтьхъ*, № 854 [4, с. 323]. В письмах позднейшего времени типичное изложение содержания блока осуществляется двучленной конструкцией: *пиши/отпиши/изволь отписать о своемъ здоровье – как тебя бож(Христос) богородица милует/сохраняет/хранит*. Объектный распространитель с существительным *здоровье (здравье)* обязателен: его отсутствие или употребление иной лексики видоизменяет формулу и требует ее квалификации не как клише, а как фразы со стержневым глаголом *писати*

(*отписати*). Призыв писать в официальных деловых (служебных) письмах принципиально отличен в плане коммуникативной семантики, так как передает запрос актуальной информации, например: *...каково будет о том государское попечение, и ты бы ко мне пожаловал отписал*, послание Иосифа Волоцкого Митрофану Андрониковскому, рубеж XV–XVI вв. [5, с. 178]. Актуальный призыв писать всегда завершает семантему, в то время как этикетный относится либо к зачину, либо к концовке письма.

Сообщение информации о себе присутствует в большинстве бытовых писем (78 %) и характерно для частной светской переписки в целом (в частных духовных посланиях блок не представлен). Самый ранний контекст отмечен в берестяной грамоте Город. № 1, сер. XII в.: *по сторовоу ва есмы* [4, с. 274]. В старорусских письмах формула сообщения о себе состоит из нескольких компонентов, каждый из которых образует отдельное клише: этикетное привлечение внимания адресата; сообщение о своем состоянии, времени, месте, причине и/или условиях пребывания и будущих ожиданиях. Как правило, употребляются не все формулы, что иллюстрирует письмо (II), в котором указаны место (*здесь*), причина (*грѣхом своим*) и состояние (оборот *добро болна* является авторской модификацией клише *добро здоров*). Среди официальных служебных писем блок выявлен лишь в переписке царя Михаила Федоровича с патриархом Филаретом. Введение его, обязательное для данного типа письма, может объясниться специфичностью коммуникативной ситуации: корреспонденты одновременно выступают и как родственники (сын и отец), и как лица высшей властной иерархии, в связи с чем происходит смешение моделей речевого поведения, отражаемое в структуре текста.

Клише *да не мниши, яко отъ себя сіе глаголю: изъ божественныхъ правилъ сіа тебѣ написахъ* (I) [2, стб. 257–258] репрезентирует одну из подтем высказывания по поводу собственного письма – его характеристику, а именно указание источника излагаемой информации. В данном тексте клише включено в семантему. Характеристика письма (указание источника, оценка объема, стиля, цели сочинения и др.) присутствует более чем в половине частных духовных посланий (54 % текстов; ср. отмеченность в четверти из десяти духовных официальных текстов XV–XVI вв.). Употребление формул, передающих данное содержание, в официальных служебных письмах (10,7 %, нефиксированная текстовая позиция), обусловлено церковной принадлежностью их составителей. В бытовой

переписке характеристика письма ограничена оценкой его объема и – значительно реже – стиля (12,7 %).

Выражение казуирующих письмо интенций (сочетание информирования и побуждения к действию в анализируемых текстах), как правило, наименее клишированный и наиболее лексически распространенный смысловой блок, всегда принадлежащий к семанте, способный перемежаться с этикетными фрагментами структуры письма. Степень типизированности содержания и средств его выражения в разных письмах неодинакова. В бытовой переписке, в основном, представлены коммуникативные формулы, служащие для фатического общения и интенсификации вежливости высказывания, использование которых обусловлено волей пишущего: отсутствие оборотов речевого этикета при побуждении к действию в письме Турковой объясняется более высокой социальной ролью адресанта. Официальным служебным посланиям практически неизвестны интенсификаторы вежливости. Большинство используемых в их семанте выражений являются ситуативно связанными. Обосновывая правомочность получения сана, арх. Геннадий дословно цитирует письмо адресата не в силу желания, но в силу традиции включать в официальное письмо фрагмент казуирующего его текста. Ср. увещевание в письме (I): *подобаше убо вамъ попечение о нихъ имѣти* [2, стб. 757] – и в антиеретическом агитационном послании Иосифа Волоцкого Василию III, нач. 1510-х гг.: *и ныне тебе, государю, подобает о семъ пошехисъ* [5, с. 231]. Церковные лица используют в письмах цитаты из канонических текстов для обоснования своих мыслей, что сближает служебное деловое письмо с учительным (см. также использование в тексте (I) библейской фразеологии: *на помощь противу видимыхъ и невидимыхъ врагъ, пастырие именуется словесныхъ овецъ Христовыхъ* – наряду с деловой: *буду опять бити челомъ изнова* [2, стб. 755–757]). В частных бытовых текстах книжная афористика представлена ограниченно.

Призыв помнить адресанта и/или молиться за него отмечен преимущественно в заключительной части разных типов писем XV–XVII вв. (10 % бытовых, 2,24 % частных деловых, 6 % официальных служебных, 28,6 % частных духовных). В письме (II) он дублируется: клише *меня не забудь (доколе бож...* – этикетный распространитель) и вариант формулы-клише *меня поминай* – фраза с метонимической заменой местоимения *поминай* душу мою.

Блок прощания, значимый для структуры большинства видов писем, может отсутствовать

в частных деловых письмах приказчиков феодам и бытовых и официальных посланиях царей. Содержание прощания в текстах (I), (II) сходно: интеграция двух клише (благопожелание и благословение), введение устойчивого молитвенного распространителя (*въ вѣки – до века*) типичны для любых писем духовных лиц. Вместе с тем в прощальную формулу официального письма (идентичную концовкам церковных документов) включены молитва за адресата (клише *[наша] молитва на тебѣ*) и слово *аминь* – элементы, практически неизвестные бытовому письму. Этикетный характер имеют объектные распространители прощальной формулы: *и на твою благороднѣ княгинѣ, и на твоихъ богоугодныхъ чадѣхъ, и на есмѣ твоимъ воинствѣ* (I) [2, стб. 759–760] (ср. распространители приветствия-благопожелания в бытовом письме XVII в.: *з женою и з дѣтми и со всемъ благодатнымъ домомъ, со всеми своими ближними приятелѣ* [6, с. 15]). Показательно стилистическое различие грамматической формы прощальных оборотов: императив *да будетъ благословение* (I) и реконструируемый индикатив *мое благословение не оставит, покинетъ* (II).

В сопоставленных письмах представлены не все смысловые блоки, что отражает вариативность структурных схем конкретных текстов. Благодарность за письмо чаще встречается в частной переписке XV–XVII вв. Дата и подпись как отдельные смысловые блоки, в целом, не распространены в средневековых письмах; среди них они более частотны в посланиях, созданных от имени монархов (например, письма царей к членам своих семей).

Наряду со смысловыми блоками структуру писем образуют вербальные конструкции, связующие информативные фрагменты текста и служебные по отношению к ним, выполняющие организационную функцию в создаваемом автором речевом произведении. В послании арх. Геннадия содержатся обороты, маркирующие логический переход от одной темы к другой: *сіе помяну послѣ...* *нынѣ же* – о чемъ начавъ глаголати [2, стб. 757], завершение изложения мысли: *нынѣ же преупокою слово* [2, стб. 759]; актуализирующие внимание адресата: обращения и этикетные приложения. Подобные конструкции свидетельствуют о риторической обработке текста, поэтому в частных бытовых и деловых письмах они представлены минимально: см. обращения в тексте (II).

Послания арх. Геннадия и старицы Турковой демонстрируют типичные для бытового и служебного видов частного и официального письма XV–XVI вв. структурно-композиционные осо-

бенности, позволяющие сделать вывод о достаточно четком разграничении характеристик, присущих разным жанровым разновидностям эпистолярных текстов. Этот вывод не распространяется на соотношение структуры частных и официальных писем «вообще»: например, способы организации официальных фатических и частных фатических посланий обнаруживают между собой большее сходство, чем способы организации официальных фатических и официальных служебных текстов. Древнерусский период представлен преимущественно (XI–XIII вв. – исключительно) материалами берестяных грамот, поэтому мы не имеем возможности последовательно наблюдать эволюцию структуры бытового письма, однако уже эти источники содержат блоки потребности в письменной связи и сообщения адресанта о себе, наиболее важные для данного вида эпистолярного текста. «Неберестяные» письма XIV–XV вв. обнаруживают практически все известные бытовой переписке XVI–XVII вв. блоки, причем представленные в форме клише. Способы организации и языкового выражения официального служебного письма, близкие архитектонике документа, сохраняют относительную стабильность на протяжении XII–XVII вв. Таким образом, еще в древнерусскую эпоху произошло становление (или усвоение) набора, определение тенденций лингвистического наполнения и упорядочения блоков – текстовых единиц, одновременно и интегрирующих, и дифференцирующих корпус писем.

В заключение необходимо подчеркнуть допустимость употребления в той или иной разновидности старорусских писем смысловых блоков и формул, для нее нетипичных, свидетельствующую не только о влиянии социального статуса

автора и цели общения на структуру создаваемого текста, но и о принципиальной проницаемости границ текстов внутри эпистолярного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сметанин, В.А. Византийское общество XIII–XVI веков (по данным эпистографии) / В.А. Сметанин. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 288 с.
2. Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией. Т. 6. Ч. 1. – СПб., 1880. – XIX, 930, 315, 70 с.
3. Зимин, А.А. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой / А.А. Зимин // Лингвистическое источниковедение. – М.: Наука, 1963. – С. 136–139.
4. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. – М.: ЯСК, 2004. – 872 с.
5. Послания Иосифа Волоцкого. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 392 с.
6. Грамотки XVII – начала XVIII века. – М.: Наука, 1969. – 416 с.

SUMMARY

Structural characteristics of Old Russian epistles (XI–XVII c.) are defined in the article. Having been used in the different spheres and registers of communication the letters demonstrate significant stylistic heterogeneity. It's revealed that the fragments of the traditional generic contents can be united into 11 "parts of sense"; different combinations of the latter create the concrete text representing any kind of letters. On the example of two texts (XV–XVI c.) the types of structural organization of the private domestic and the official service correspondence are analyzed in the aspects of their similarity or difference, lexical and grammar expression's stability or variety. Non-linguistic factors' influence is taken into account. It's indicated that structural and stylistic differentiation permits of the epistolary texts borders' penetrability. The comparing of the letters belonging to the different historical periods demonstrates the succession of the Old Russian epistolary tradition.

УДК 81'272

Г.В. Чараповіч, аспірант кафедры гісторыі беларускай мовы БДУ

ГРАМАДСКІЯ ДЫСКУСІІ АБ МОВЕ ЯК АБ'ЕКТ ЛІНГВІСТЫКІ

Уводзіны. Выступаючы аб'ектам даследавання лінгвістаў, мова адначасова выклікае значную цікавасць неспецыялістаў, якія імкнуцца не толькі асэнсоўваць моўныя праблемы, але і прэтэндуюць на ўдзел у іх практычным вырашэнні. Абмеркаванне моўных пытанняў не абмяжоўваецца публікацыямі ў спецыяльных навуковых выданнях, а праводзіцца ў тым ліку і на старонках перыядычнага друку, арыентаванага на шырокія колы чытачоў. З артыкуламі на

моўныя тэмы выступаюць лінгвісты, палітыкі, пісьменнікі, супрацоўнікі рэдакцый і выдавецтваў, настаўнікі, дзеячы культуры і мастацтва, літаратурныя крытыкі і іншыя неаб'яўленыя да мовы асобы. У рамках дыскусій асэнсоўваюцца шляхі развіцця літаратурнай мовы, абмяжоўваюцца пытанні правапісу і графікі, абгрунтоўваецца выбар нарматыўных форм з шэрагу варыянтаў, даюцца ацэнкі канкрэтным выпадкам словаўжывання і інш. Грамадскія дыскусіі ўяўляюць вялікую каштоўнасць для даследчыкаў. У

той ці іншай ступені матэрыялы перыядычнага друку адлюстраваны ў працах па гісторыі беларускай мовы і мовазнаўстве [1–8]. Сучасныя даследаванні пацвярджаюць неабходнасць больш глыбокага аналізу грамадскіх дыскусій вакол моўных пытанняў. Мэтай артыкула з'яўляецца агляд навуковай літаратуры па дадзенай тэме, характарыстыка дыскусій як спецыфічнага аб'екта лінгвістыкі.

1. Адлюстраванне ў грамадскіх дыскусіях моўнай рэфлексіі. У навуковых працах дыскусіі могуць разглядацца як праявы сацыяльнай увагі да моўных пытанняў, паказчыкі ўзрастання ўдзельнай вагі рэфлексіі над мовай у сучасным свеце [9, с. 9]. Антрапалагічны ўхіл сучаснай лінгвістыкі абумоўлівае зацікаўленасць у вывучэнні такога роду рэфлексіі. Яна звязана з метамоўнай функцыяй мовы, якая заключаецца ў магчымасці апісваць мову сродкамі яе ж самой. Моўная рэфлексія ажыццяўляецца на навуковым і побытавым узроўнях. Падставы для іх адрознення бачацца ў тым, што яны рэпрэзентуюць два тыпы ведаў: навуковыя і «наіўныя», або побытава-штодзёныя [9, с. 136].

Метамоўныя рэпрэзентацыі з'яўляюцца вынікам усведамлення моўнай рэчаіснасці, а значыць, адлюстروўваюць моўную свядомасць. Асабліва цікавая даследчыкам свядомасць звычайнага носьбіта мовы. Сфера таго, што людзі думаюць пра ўласныя моўныя паводзіны і паводзіны іншых, у англамоўнай літаратуры абазначаецца тэрмінам «folk linguistics», які перакладаецца як «народная лінгвістыка» [10]. «наіўная лінгвістыка» [9] або «стыхійная лінгвістыка» [11]. Сучаснымі даследчыкамі гэты тэрмін шырока ўжываецца ў дачыненні да самых розных праяў моўнай рэфлексіі.

Рэфлексія над мовай адлюстроўвае стаўленне да яе людзей, якое патрабуе навуковага асэнсавання. Як паказала Н.Г. Бабаі, у гэтым плане дыскусіі з'яўляюцца каштоўнай крыніцай, бо яны змяшчаюць грамадскія ацэнкі маўлення – «цалкам свядомыя выказванні ацэначнага характару, вынік больш ці менш аб'ектыўнага аналізу пэўных з'яў моўнага развіцця ці культуры маўлення» [12, с. 2]. Вывучэнне грамадскіх ацэнак у супастаўленні з так званымі аб'ектыўнымі тэндэнцыямі моўнага развіцця дае магчымасць стварыць карціну грамадскіх моўных густаў, якія ўяўляюць сабой суму ацэначна-густавых меркаванняў, свядома выказаных у ходзе дыскусій [12, с. 2–3]. Згодна з Н.Г. Бабаі, вынікі аналізу моўных густаў грамадства могуць садзейнічаць ажыццяўленню практычных мерарываў у галіне культуры мовы і нармалізацыі літаратурнай мовы.

Тым не менш вывучэнне грамадскага стаўлення да мовы на матэрыяле дыскусій усклад-

няецца пэўнымі акалічнасцямі. Паводле Дж. Мілрай і Л. Мілрай, публічна выказаныя меркаванні могуць не заўсёды быць ідэнтычнымі неафіцыйным поглядам на мову. Як паказваюць даследаванні, калі моўца ведае пра сацыяльныя каштоўнасці, замацаваныя за варыянтамі, яго выказванні хутчэй за ўсё будуць адлюстроўваць сацыяльныя стэрэатыпы, г. зн. людзі маюць схільнасць гаварыць пра тую форму, якую лічаць сацыяльна прымальнай, а не пра тую, якую ўжываюць самі [13, с. 11, 18].

2. Пытанне пра «моўныя ідэалогіі». У сучаснай, пераважна заходняй лінгвістыцы, матэрыялы грамадскіх дыскусій разглядаюцца як «метамоўны дыскурс», або «дыскурс пра мову» [14–18]. Паняцце дыскурсу прадугледжвае аналіз тэкстаў артыкулаў у больш шырокім палітычным, сацыяльным і культурным кантэксце, у выніку чаго падобныя даследаванні могуць набываць міждyscyплінарны характар. Так, на мяжы лінгвістыкі, марксісцкай філасофіі і псіхааналізу ўзнікла французская школа аналізу дыскурсу. У яго аснове ляжыць сувязь паміж мовай і ідэалогіяй, прычым пад ідэалогіяй разумеецца «любы семіятычны факт, які інтэрпрэтуецца ў святле сацыяльных інтарэсаў» [19, с. 20]. Паводле французскай школы, сэнс тэкстаў залежыць ад канкрэтнай гістарычнай сітуацыі і ад палітычнай пазіцыі іх стваральнікаў. Аналіз дыскурсу сцвярджае ідэю, што ў кожным выказванні можна ўбачыць культурную абумоўленасць, уладныя адносіны і звязць яго з інтарэсамі пэўнага грамадства ці пэўнай сацыяльнай групы, якая прызнае гэта выказванне ў якасці свайго [19, с. 21]. Напрацоўкі аналізу дыскурсу актыўна прымяняюцца ў сучасных мовазнаўчых даследаваннях.

Вывучэнне метамоўнага дыскурсу можа быць карысным з той нагоды, што ў ім знаходзяць сваё выражэнне так званыя «моўныя ідэалогіі». Гэта паняцце ў сучаснай лінгвістыцы выкарыстоўваецца для абазначэння сістэм перакананняў, якія «ўяўляюць і прадпісваюць сувязі мовы з групавой і асабовай ідэнтычнасцю, эстэтыкай, мараллю і эпістэمالогіяй» [20, с. 55–56; цыт. па 16, с. 300]. Падыходзячы да грамадскіх дыскусій як да «моўных ідэалагічных дэбатаў», Я. Бломерт звярнуў увагу на важную акалічнасць: у іх ідэалогіі не толькі выразна фармулююцца, прадпісваюцца, але і фарміруюцца, падпраўляюцца. На падставе гэтага навуковец ахарактарызаваў такога роду дыскусіі як «месца (рэ)прадукцыяныя ідэалогіі» [21, с. 1, 10].

Паводле Н. Бернса, адной з ключавых уласцівасцей моўных ідэалогій з'яўляецца тое, што яны выражаюць уяўленні пра гістарычныя і сучасныя адносіны паміж рознымі моўнымі разнавіднасцямі, а таксама пра статус і сацыяльныя